

МЕХЛИС. ТЕНЬ ВОЖДЯ

XX военные
тайны
века

Ю.В. РУБЦОВ

Военные тайны XX века

Юрий Рубцов

Мехлис. Тень вождя

«ВЕЧЕ»

2011

Рубцов Ю. В.

Мехлис. Тень вождя / Ю. В. Рубцов — «ВЕЧЕ»,
2011 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-9533-5781-4

Книга посвящена деятельности одного из ближайших и многолетних сподвижников Сталина – Льва Мехлиса, бывшего подлинным alter ego – вторым «я» вождя. На ее страницах читатель встретится со Сталиным и Молотовым, Ворошиловым и Берией, Жуковым и Тимошенко, Горьким и Фадеевым, десятками других знаменитых и рядовых персонажей советской истории 20—50-х годов XX века. Действие происходит то в кремлевском кабинете вождя, то на поле боя где-то под Керчью; картина пленума ЦК ВКП(б) сменяется сценой бессудного расстрела генералов осенью 1941 года; трагедия народа, сполна хватившего лиха войны и голода, соседствует с роскошью, которую позволяла себе советская знать. Был ли Мехлис воплощением зла или просто олицетворял свое противоречивое время? На эти вопросы отвечает книга доктора исторических наук Юрия Рубцова, созданная на основе архивных документов, которые еще недавно находились на секретном хранении.

ISBN 978-5-9533-5781-4

© Рубцов Ю. В., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Введение	6
Кто он – «новый человек»?	6
Глава 1. В кожаной куртке комиссара	10
В тумане скрылась милая Одесса...	10
В 46-й стрелковой	14
На каховском плацдарме	22
«Даешь Крым!»	24
Глава 2. «Откомандировать в распоряжение ЦК»	28
Пока у подножия	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юрий Рубцов

Мехлис. Тень вождя

©Рубцов Ю.В., 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Кто он – «новый человек»?

На снимках, запечатлевших партийно-государственную элиту СССР 30—40-х годов прошлого столетия, этого человека на первом плане почти не увидишь. Сколько прошло за это время партийных съездов, сессий Верховного Совета СССР, встреч со стахановцами и папанинцами, испанскими добровольцами и героями сверхдальних авиаперелетов! Сколько было возможностей принародно зафиксировать свою близость к главным большевистским лидерам! Ан, нет. Характерный профиль Мехлиса, его полувоенный френч почти неизменно перекрываются другими фигурами.

Лев Захарович в таких случаях действительно предпочитал тень. Особенно желательную, если отбрасывал ее Сталин, раз и навсегда ставший для него кумиром, недостижимым образом. Так он держался не только при фотосъемке, но и в жизни: словно выглядывал из-за плеча вождя и никогда явно не демонстрировал намерений выдвинуться вперед на заметную политическую роль. Он избрал удел *alter ego* Сталина, его второго «я». И очевидно, потому, что всегда держал в уме мудрость древних о молниях, чаще всего бьющих по вершинам. И, безусловно, понимая, что власть скрытая, из-за политических кулис, бывает ничуть не меньше публичной, а подчас даже более изощренной и сладостной.

Воистину собачья верность хозяину, житейская хитрость и отменное знание всех пружин кремлевского механизма власти дали желаемый результат: Мехлис, пережив умеренные взлеты и не очень болезненные падения, сумел продержаться в обойме руководителей СССР четверть века и – в отличие от многих из коллег – умер не от пули палача, не на лагерных нарах, а в своей постели.

Так кто же он – Лев Мехлис? Получить ответ на этот вопрос до сих пор трудно не только рядовому читателю. Провозглашая тезис о том, что историю творят люди, конкретные личности, отечественная историческая наука, многие десятилетия находившаяся под особым надзором идеологических цензоров, вынужденно отдавала предпочтение обезличенному показу роли народных масс, анализу проявлений законов общественного развития. В период сталинизма из научного оборота, из народной памяти были изъяты десятки, а то и сотни исторических персонажей. Позднее к ним, хотя частично и реабилитированным, но по-прежнему ханжески замалчиваемым, добавились личности, по разным причинам неудобные для очередного политического руководителя. В результате сложилась явно ненормальная, абсурдная ситуация, когда, по известному выражению, отечественная история стала выглядеть обезлюдевшей, словно полуночная улица.

Современный этап развития России отмечен невиданным ранее интересом наших соотечественников к прошлому страны, к тем, кто творил ее историю и культуру – политикам и полководцам, ученым и меценатам. Подтверждается давно подмеченное: именно тогда, когда общество находится на историческом переломе, люди испытывают особую потребность обратиться к наследию предшествующих поколений. В их опыте и деяниях ищут они духовные и нравственные опоры, стремятся извлечь уроки из ошибок и промахов.

Интерес к новейшей истории нашей страны фокусируется на периоде сталинизма, что постоянно подтверждают результаты соцопросов, проводимых крупнейшими центрами изучения общественного мнения – ВЦИОМ, «Левада-Центр» и другими. Это представляется неудивительным. Именно там, в сталинизме, коренятся многие и многие явления, наблюдаемые в сегодняшнем обществе. Именно тогда сложился механизм власти, который характеризовался почти полным отчуждением народа от этой власти, господством элиты, «нового класса» (тер-

мин югославского ученого и диссидента М. Джиласа) – слоя партийно-государственных чиновников, окружавших вождя и благодаря монополии на управление получивших особые привилегии и материальные преимущества. Механизм этот складывался и отрабатывался исподволь, на базе все более масштабных репрессий. Последние Сталин использовал, с одной стороны, как средство устранения всякого инакомыслия, а с другой – как метод селекции лично ему преданных кадров, возвращенных в атмосфере не революционной романтики, а аппаратной, «подковерной» борьбы.

Процесс, однако, был двусторонним. Не только Сталин формировал свою «преторианскую гвардию». Его свита тоже играла своего короля, прокладывая дорогу единовластию, деспотизму вождя, выгодному и ей самой. Л.З. Мехлис сыграл в этом процессе весьма заметную роль. В новейшей истории нашей страны его имя неотделимо от имени Сталина (хотя, понятно, эти фигуры не равновелики) и ассоциируется с процессом утверждения в СССР тоталитарной системы власти, с пропагандистским обоснованием и освещением в нужном для сталинского руководства духе всевозможных кампаний – от форсированной сверх всяких норм индустриализации и насильственной коллективизации до позорных судилищ над идейными противниками вождя, с массовыми репрессиями военных кадров накануне и в годы Великой Отечественной войны. Верным сталинским опричником остался Мехлис в памяти людей.

Достаточно взять любую его статью, речь, проанализировать любой его поступок – и ясно видна в этом человеке незамутненная никакими сомнениями уверенность в том, что он – из когорты «новых людей». А значит, вправе решать за других – «прежних», «старорежимных» – куда идти, в каком обществе жить, и соответственно, вершить скорый суд и расправу над мыслящими иначе. Невольно напрашиваются строки из Бориса Пастернака: «... Телегою проекта / Нас переехал новый человек... А сильными обещано изжитье / Последних язв, одолевавших нас».

О Мехлисе писать довольно сложно. Сразу приходит на ум Жан-Жак Руссо с его постулатом – человек по природе добр. И в самом деле, не палачом, не инквизитором же родился и наш герой. Ведь были же у него и росистая тропинка, по которой сделал первые неуверенные шаги, и синяк, полученный в мальчишеском поединке чести, и первое чувство, делающее любого хоть чуть выше, благороднее.

Но что случилось потом? Откуда столь мрачная, прямо-таки палаческая слава? И случайно ли широкая прижизненная известность Мехлиса обернулась практически полным забвением после смерти? Отнюдь нет. Он сам стал заложником той политико-идеологической системы, формированию которой отдал столько сил.

В среду партийных функционеров он попал как раз в то время, когда с руководящих постов устранялись активные участники Октябрьской революции, члены партии с дореволюционным стажем, авторитетные хранители традиций большевизма, одним своим существованием напоминавшие Сталину о безосновательности его претензий на абсолютную власть. У приходявших им на смену аппаратчиков прежние минусы – мизерный партийный стаж, отсутствие связей с «ленинской гвардией» – оборачивались в глазах первого генсека большими плюсами. Представляется, что именно в этот период окончательно сложилась и личность Мехлиса. Если некогда он, возможно, и исповедовал романтически-революционные идеалы, то теперь счел за благо с ними расстаться, став законченным функционером. Нормы партийного товарищества окончательно уступили место верноподданничеству и лести в отношении «первого лица», а руководящую силу приобрели не решения партийных органов, а указания все более узурпировавшего власть хозяина – Сталина.

Как никогда востребованными оказались отличавшие его качества – бестрепетная жестокость, умение переложить ответственность с себя на других, страсть к аппаратным играм, а с другой стороны – беспредельная преданность, ревностная исполнительность и умение предугадать желания своего кумира.

Формально принадлежа к кругу руководителей «второго эшелона», не занимая высших партийных и государственных постов, Мехлис, тем не менее, вошел в ближайшее сталинское окружение и умудрился на протяжении по меньшей мере двух десятков лет обладать властными возможностями, несоизмеримыми по масштабу с теми, которые вытекали из статуса его должностей. Этот феномен характеризует один из важнейших особенностей механизма сталинской власти – существование в политической элите такой группы функционеров, которую автор, исходя из способов рекрутирования и особенностей ее функционирования, определяет как «теневую» субэлиту. Она включала в себя номенклатурных деятелей, чья реальная власть определялась не столько постами в партии и государстве, которые они занимали, сколько неформальной, нерегламентированной близостью к Сталину, доверительными отношениями с ним.

В этом контексте личность Мехлиса вызывает особый интерес, как личность типичная, знаковая в плане выявления внутренних, скрытых пружин механизма власти, уяснения сути теневых, словно из-за политических кулис, методов и форм осуществления властных полномочий.

Любой, кто возьмется утверждать, что все содеянное Мехлисом принадлежит исключительно прошлому и сегодня удовлетворяет разве что досужее любопытство, встретит принципиальное возражение автора. Мы многое знаем о 20—50-х годах, о той страшной кровавой жатве, которую снял молох сталинизма. Но получили ли мы исчерпывающие ответы на все вопросы, волнующие российское общество? Например: каким образом большевистской верхушке удавалось так долго выдавать за подлинное народовластие его культовые суррогаты? Почему магия социально притягательных лозунгов обернулась для народных масс властью правителей, которые сами же провозглашаемые ими принципы и попирали с цинизмом? Что за злые силы таились в головах и душах тех, кто счастьем будущих поколений оправдывал насилие над современниками, через стройки коммунизма загоняя их в «светлое царство свободы»?

В мучительном поиске ответов мы ведь размышляем не только и не столько о прошлом, сколько о судьбах российской демократии, о разумном балансе в нашей жизни политики и нравственности, социально-классовых интересов и общечеловеческих ценностей, силы и права, интересов государства и интересов личности. Словом, о том, что важно для любого общества во все времена.

Поиски в этом направлении тем более актуальны для современной России, что прошлое цепко хватается день сегодняшний. Подчас трудно отрешиться от мысли, что иные политики XXI века буквально копируют нравы и действия сталинского окружения. Разве нет у нас во власти людей, подобных Мехлису, – мастеров политической интриги, некомпетентных, с деформированными моральными устоями, занявших руководящие посты благодаря закуливному влиянию на лидера страны и при этом игнорирующих интересы общества?

Выход здесь один: опираясь на уроки прошлого, вырабатывать такой механизм формирования власти, который бы закрыл в нее путь для «серых кардиналов».

За последние годы опубликовано немало статей, очерков, книг о тех, кто, как и Мехлис, находился в ближайшем сталинском окружении и проводил в жизнь установки вождя – Л.П. Берии, К.Е. Ворошилове, Н.И. Ежове, С.М. Кирове, Г.М. Маленкове, А.И. Микояне, В.М. Молотове, Н.С. Хрущеве и других. В этом ряду не лишней будет и книга о Льве Мехлисе. Ибо ее герой символизирует то, что пережило наше общество в недалеком прошлом и от чего во многом не освободилось еще и сей день. А освободиться должно. Нелегкий, внутренне противоречивый, но столь нужный процесс расставания с наследием сталинизма требует, наконец, стереть и это «белое пятно». А без объективного анализа сталинской элиты решить эту задачу сложно.

Основной массив документов, на основе которых написана книга, почерпнут из фондов Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), Государственного архива Россий-

ской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), Центрального архива ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ).

Особо оговоримся: книга не претендует на исчерпывающее изложение жизненного пути и многосторонней партийно-государственной деятельности Л.З. Мехлиса. Это лишь страницы политической биографии крупного функционера ВКП(б) на историческом фоне 20—50-х годов. Автор старался быть объективным и непредвзятым, хотя назвать себя беспристрастным не берется.

Глава 1. В кожаной куртке комиссара

В тумане скрылась милая Одесса...

Сохранилось несколько юношеских фотоснимков Льва Мехлиса, и каждый из них – удар по позднее сложившемуся стереотипу. Это уже потом, в 30-е, со страниц «Правды», «Красной звезды» и газет калибром помельче время от времени будет смотреть носатый трибун с шапкой смоляных волос, жесткими глазами, в униформе сталинских чиновников – полувоенном френче, застегнутом наглухо. А пока по родной Одессе идет в фотографию Малкуса, что на Ришельевской улице в доме Фельдмана, молодой человек в косоворотке и кургузом пиджачке, обладатель пышной шевелюры с аккуратным посередине, как у приказчика, пробором.

Он и есть приказчик, точнее – конторщик. «2,5 года служил по найму в конторе Каца в Одессе», – указывал Мехлис в анкете, заполненной в ноябре 1921 года при поступлении в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. «Работать начал с 14–15 лет – около 3 лет работал в конторе, потом давал уроки», – уточнил он в автобиографии в 1927 году¹.

Бросается в глаза, что архивные материалы весьма скупы на информацию о происхождении Льва Захаровича, его семье, занятиях до революции, партийной принадлежности. Более того, в ряде собственноручно исполненных документов он сам себе противоречил. Случайно ли? Так, в «Основной карте коммуниста», составленной в апреле 1919 года, в качестве родного языка он называет русский, указывая при этом, что говорит и на «еврейском». В военном же билете, выданном 11 марта 1926 года, со слов его владельца записано: национальность – еврей, однако национальным языком не владеет, родным языком считает русский. Не потому ли затушевывалась национальность, что Мехлис к тому времени уже трудился в ЦК РКП(б) у Сталина, антисемитизм которого не был секретом для окружавших его.

Лишь косвенным образом можно судить о семье, в которой рос Лев. В той же «Основной карте коммуниста» он указывает, что получил домашнее образование «по полному курсу реального училища». Вряд ли такое могла позволить себе бедная еврейская семья. Сомнительно, однако, что была она и зажиточной, коль скоро подросток прирабатывал в конторе и частными уроками.

В бумагах Мехлиса встречается еще одно – и тоже не прямое – указание на родителей. Уже по окончании войны в 1945 году он, будучи членом Военного совета Прикарпатского военного округа, написал жене из Станислава: «Здесь нашлись какие-то родственники по матери – по фамилии Держанко... Старушка, бедно-нищенски живет. Дал ей немного денег».

Одесса была тем котлом, в котором кипело варево из «двунадцати» языков. Русские, украинцы, евреи, греки, молдаване – их мирное соседство обеспечивалось совпадением производственных, торговых да и просто житейских интересов. Однако время от времени равновесие нарушалось погромами еврейских домов и лавок. Тут взростеть, мужать – хочешь не хочешь – приходилось быстрее. На заре нового века Мехлис вступил в отряд рабочей еврейской самообороны, отбивавшийся от черносотенцев в районе Молдаванки.

Город с традиционным бунтарским настроением стал одним из центров первой российской революции. Ее события не миновали, конечно, и Льва, но в чем это выразилось конкретно, архивные документы сказать не позволяют. Много позднее в различных пропагандистских материалах в связи с выборами в Верховные Советы СССР и РСФСР, в газетных публикациях 30–40-х годов настойчиво повторялось, что с приходом 1905 года юноша активно посещал

¹ РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 2, л. 8; д. 11, л. 1.

митинги, участвовал в вооруженных столкновениях с полицией. Он вроде бы был даже арестован по обвинению в хранении оружия и осужден к тюремному заключению, но потом, как несовершеннолетний, амнистирован. Обращает, однако, внимание, что этот, явно выигрышный для всякого революционера, факт Мехлис в своих автобиографиях не указывал. Не плод ли это воображения услужливых биографов, позаботившихся о том, чтобы у высокого партийного функционера послушной список выглядел посolidнее? Так или иначе, но в 1919 году, отвечая на вопрос анкеты, подвергался ли преследованиям за революционную деятельность, Лев Захарович упоминал куда более скромный эпизод: «В 1907 году в г. Одессе арестован и избит в Херсонском участке».

Здесь же и еще одна запись, относящаяся к событиям того же 1907 года, – вступление Мехлиса в Еврейскую социал-демократическую рабочую партию «Поалей-Цион» и работа в ее одесской организации². Надо сказать, что об этой странице в собственной биографии Лев Захарович нигде, кроме двух – трех анкет, написанных на заре политического ученичества, не упоминал. И полагаем, тоже не случайно.

В советской литературе «Поалей-Цион» (в переводе с иврита – «Рабочие Сиона») рассматривалась как одна из организаций, созданных в России главарями международного сионизма наряду с Бундом («Всеобщим еврейским рабочим союзом в Литве, Польше и России»), «Независимой еврейской рабочей партией» («НЕРП») и им подобными. Более того, имелся замысел впоследствии объединить эти организации именно вокруг «Поалей-Цион», оформившейся в 1905 году³.

Поалейционисты отстаивали внеклассовое и потому вызывавшее острое противодействие большевистской партии требование территориальной автономии «для всего еврейского народа» в Палестине⁴. Именно этот, сионистский, характер движения бундовцев, ционистов и других сторонников партий «еврейского пролетариата» ставился им в вину Лениным и объяснял остроту идеологических разногласий с ними. В утвержденном в 1921 году циркуляре ЦК РКП(б) об отношении к Еврейской коммунистической партии «Поалей-Цион» – наследнице ЕСДРП содержалось прямое требование: «По отношению к ЕКП должна проводиться решительная идейная борьба»⁵.

Поэтому после Октября 1917 года совсем не в интересах Льва Мехлиса было свидетельствовать против себя, напоминать, что состоял в «Поалей-Цион» и, стало быть, находился с большевиками по разные стороны баррикад. Наоборот, как только представилась возможность вступить в коммунистическую партию, он не замедлил ею воспользоваться. К слову, расхожим стало ошибочное утверждение, будто до вступления в РКП(б) он состоял в меньшевистской партии.

Дооктябрьская биография Мехлиса, как революционера, жидковата. Кроме эпизода в полицейском участке, и вспомнить, похоже, нечего. Уж как позднее ни старались биографы, ретушируя прошлое видного партийного функционера, успехи их оказались весьма скромными по одной простой причине: ни в Феврале, ни даже в Октябре 1917 года Мехлис ничем особенным себя не проявил.

В 1911 году его призвали на срочную службу во 2-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду. Лямку тянул, как писал сам, в «пункте лошадей». «Сначала прослужил год в караульной службе, затем присвоили звание бомбардира (соответствует современному ефрейтору. – Ю.Р.)», – неожиданно вспомнил о том времени Мехлис в 1942 году на одном из заседаний Совета военно-политической пропаганды при Главном политуправлении РККА. При этом,

² РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 2, л. 1.

³ См.: Романенко А.З. О классовой сущности сионизма. Л., 1986. С. 89–90.

⁴ Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). М., 1996. С. 92–93.

⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 234, л. 18.

сравнивая работу с младшими командирами в царской и Красной армиях, сделал вывод не в пользу последней.

С началом Первой мировой войны он оказался на Юго-Западном фронте, в 11-й армии. Но тоже был занят все больше по части содержания конского состава. Сведений об участии Льва Захаровича в боях нет. Разумеется, это не повод для иронии или упреков: человек служил там, куда начальство определило. Но вот о чем мысль не оставляет: именно в эти годы военной службы у Мехлиса костенел характер, закалялась воля, складывалась властная, резкая, категоричная натура. Здесь легли первые камни в основание скорого уже «комиссарства», беспощадности не только к чужим, но и к своим. Под влиянием кого и чего шел этот процесс?

Февральская революция застала Льва в Белой Церкви. Сохранилась фотокарточка: в морской форменке, усы а-ля Буденный, крупные, уверенно смотрящие глаза. Весь какой-то крепко сбитый, словно пружина, готовая распрямиться. Не мальчик – муж. Да и лета уже не юношеские – 28.

А за плечами – ничего особенного: ни чинов, ни орденов. Впрочем, оно и к лучшему, ибо «их благородия» теперь оказались не в почете. Тут иной путь надо было выбирать. Мехлис для своего времени неплохо образован, за ним репутация фронтовика. И вот первый шаг – он избран в солдатский комитет части. Когда в Белой Церкви формировался совет рабочих и социалистических депутатов, его делегировали туда, в комитет по охране порядка, который он вскоре и возглавил.

Наш герой не случайно проявил рвение к политике. Он быстро осознал, какой шанс ему, еврею, обреченному при старом режиме всю жизнь обретаться где-нибудь за чертой оседлости, предоставляет революция. Достаточно сказать, что в офицерском корпусе императорской армии к началу XX века насчитывалось всего три офицера-еврея в чине не выше капитана. Забегая вперед, скажем, что, по крайней мере, по военной линии свой шанс Лев Захарович использовал сполна: в Красной Армии он стал одним из пяти армейских комиссаров 1-го ранга (кроме него – Я.Б. Гамарник, А.И. Запорожец, П.А. Смирнов, Е.А. Щаденко) – это высшее военно-политическое звание соответствовало общевойсковому званию генерал армии.

Но вот незадача: только почувствовал вкус к борьбе, к общественной работе, – и на тебе, воинскую часть расформировали. «Домой!» – решает Лев, уверенный, что уж там ему дело найдется.

В Одессу он приехал в январе 1918 года. Сразу определился в секретариат «Румчерода» – так сокращенно называли ЦИК советов солдатских, матросских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа. Правда, пробыть в родном городе довелось недолго: 14 марта Одессу оккупировали германские и австрийские войска. Мехлис вместе с сотрудниками «Румчерода» на военном транспорте уходит в Крым, затем попадает в Ейск, где участвует в установлении советской власти.

Здесь же его приняли в РКП(б). Лев Захарович примкнул к победившей партии – и не ошибся. Карьеру, конечно, это еще не гарантировало, но, как выяснилось со временем, был сделан первый шаг к восхождению на политический олимп. Многое зависело теперь от того, как быстро вчерашний полейционист воспримет идеологию большевизма, насколько хватит у него готовности без колебаний претворять ее в жизнь. Мехлис оказался способным учеником.

В мае того же 1918 года он впервые приехал в Москву. Правда, ненадолго. В Первопрестольную Лев Захарович окончательно вернется через три года делать политическую карьеру. Пока же он – незаметный рядовой партии, один из миллиона.

По партийной мобилизации его направили на Украину. В январе следующего года он участвовал в освобождении Харькова – тогдашней столицы – от австрийцев и немцев. Был оставлен в городе на хозяйственной работе, занимался восстановлением местного железнодорожного узла. Когда же Харьковский губком партии в связи с наступлением войск генерала

А.И. Деникина объявил мобилизацию коммунистов на фронт, пришла пора встать в строй и Мехлису.

В 46-й стрелковой

3 апреля 1919 года политический секретарь реввоенсовета Украинского фронта направил его в распоряжение РВС оперативной группы Харьковского направления. А уже через семь дней вновь прибывший был назначен политическим комиссаром запасной маршевой бригады. Заметим: не простым красноармейцем попал Лев Захарович на фронт, а через непродолжительное время и вовсе стал комиссаром дивизии.

Комиссары Гражданской войны... Как долго партийные пропагандисты и политизированные ученые рисовали их образ в идеальных тонах! Отвечая на вопрос молодежи, делать жизнь с кого, называли имена Клина Ворошилова, Дмитрия Фурманова, Николая Маркина, Розалии Землячки, Константина Юренева... С падением КПСС историки и публицисты смогли пристальнее присмотреться к этой знаменитой генерации «кожаных курток»: часто боевого опыта – самый минимум, зато есть кое-какое общее образование, способность внедрять в сознание масс актуальные политические лозунги, крайний революционный максимализм. И – что немаловажно – партбилет «у сердца». Как знак высшего доверия правящей партии. Как пропуск к далеко не рядовым постам в армии.

Ясно, что среди этой категории работников партии были разные люди: как подвижники идеи строительства новой жизни, так и обыкновенные приспособленцы. Потому однозначно говорить о них в превосходных тонах, как это делалось на протяжении десятилетий, не позволяет элементарная справедливость. Начальник Политуправления Красной Армии в начале 20-х годов, член Реввоенсовета Республики С.И. Гусев вынужден был, говоря о Гражданской войне, признать: «Функции комиссара всеобъемлющи, полномочия огромны, права почти не ограничены...»

Такой взгляд практика разделяли и историки 20-х годов. Н.Н. Харитонов писал: «Оказывалось совершенно невозможным охватить и точно сформулировать всю многогранную деятельность военного комиссара с его неограниченными полномочиями и всеобъемлющими функциями»⁶.

Поэтому основные функции военных комиссаров формулировались лишь в самом общем виде: контроль над командиром, очень часто бывшим офицером; непосредственная работа по строительству и организации воинских частей; борьба за суровую дисциплину, против трусости, дезертирства, расхлябанности, малодушия; личное участие в боях, примерность в исполнении воинского и партийного долга; руководство всей партийной и политико-просветительной работой.

Серьезные трудности с четким определением полномочий, объема своей деятельности, естественно, испытывали и сами военные комиссары. Далеко не каждый из тех, кто получал в руки это страшное по силе оружие, умел и стремился разумно им распорядиться.

Судя по первым шагам Мехлиса на новом поприще, он ясно понял: авансы, выданные партией, надо оплачивать не за страх, а за совесть. Закроют глаза на жестокость, легко списываемую на священную ненависть к классовому врагу, лишь слегка пожурят за перегибы, но не простят пассивности, мягкотелости, утраты политического лица. В новом деле он, несомненно, увидел также и долгожданный шанс выдвинуться, обратить на себя внимание. Как-никак, ему уже тридцать, возраст для тех бурных времен более чем зрелый, а он все ходит в начинающих. И вот наконец-то ему доверен ответственный участок.

В запасной бригаде новый комиссар не задержался. Плавный ход событий нарушил служивший ранее Центральной Раде, а затем гетману Скоропадскому Н.А. Григорьев, начальник 6-й советской стрелковой дивизии. Отказавшись выступать с вверенной дивизией на фронт,

⁶ Харитонов Н.Н. Политический аппарат Красной Армии. М., 1929. С. 39.

он поднял вооруженный мятеж, который охватил Киевскую, Полтавскую, Харьковскую и Екатеринославскую губернии. 10 мая 1919 года Григорьев был объявлен вне закона, но прежде чем были приняты решительные меры по разгрому мятежа, повстанцы успели захватить Екатеринослав, где вместе с бригадой находился Мехлис. В городе у григорьевцев нашлась «пятая колонна», у красных же сил оказалось немного – инструкторская школа да запасная маршевая бригада.

Видя перевес противника, комиссар бригады отобрал два десятка бойцов и с боем проврался к Днепру. Там встретил прибывшее пополнение и вновь бросился в полымя боя. Через два дня григорьевцы были отброшены от города, восстание подавлено.

Судя по дальнейшим событиям, роль военкома при этом не осталась незамеченной. Тем более что ход боевых действий потребовал мобилизации всех возможных сил. Авантюрой Григорьева воспользовался генерал Деникин, перехвативший инициативу в районе Донбасса. В связи с резко обострившейся обстановкой РВС Южного фронта приказал откомандировать на передовую всех политических работников.

Из запасной бригады Мехлиса с группой коммунистов направили в 14-ю армию, укрепив созданной им партийной организацией 2-й интернациональный полк, который в это время вел бои с деникинцами. На имя начальника политотдела армии скоро ушло донесение: Мехлис определил коммунистов «в наиболее слабую роту интернационального полка в качестве рядовых, а сам... находился в цепи и в разведках»⁷.

В его первых шагах на военно-политической стезе уже видны черты того стиля, который в предвоенные и военные годы принесет будущему начальнику Главного политуправления РККА даже в далеко не сентиментальном военно-партийном истеблишменте мрачную славу. Конфликтовал с командирами, с подозрением относясь к военспецам (позднее это выразится в неприятии самого принципа единоначалия). Где только можно, создавал партийные ячейки, безжалостно перетряхивал кадры, предпочитая насаждать преданных лично ему работников. Не гнушался рукоприкладства. Правда, в экстремальных ситуациях проявлял большую энергию, решительность. Командование и это заметило.

В начале июля 1919 года Мехлиса командируют в Полтавскую группу войск и назначают политкомиссаром 3-го боевого участка и 46-й дивизии, в которой он воевал потом до конца Гражданской войны. В его мандате появляются ласкающие честолюбие слова: «Все революционные, военные, гражданские и железнодорожные власти и администрации обязаны оказывать тов. Мехлису всяческое содействие при исполнении возложенных на него обязанностей».

На этой должности Мехлис сменил ушедшего на повышение заведующим политотделом резервных частей 14-й армии И.И. Минца, будущего академика, присяжного историка Великого Октября. Хозяйство, надо признать, досталось новому комиссару плохо отлаженное. В наследство от Минца получены «разгильдяйство и вольница», читаем в телеграмме, направленной из дивизии в политотдел штаба армии. Не лучшим было и положение в дивизии в целом. «Общее состояние частей, в смысле их боеспособности, за исключением 406 полка, было весьма низким, – докладывали в политотдел армии Мехлис и начальник дивизии А.Н. Ленговский, получившие одновременное назначение. – Дивизия отличалась своим партизанским видом, с партизанским в большинстве командным составом и с партизанскими традициями. Политическое состояние частей было ниже всякой критики. В некоторых частях, например, в 410 полку... коммунистом называть себя было рискованно. Большинство военполиткомов частей дивизии, как полков, так и бригад, не на местах». Политотделы и комиссары «влияния на массы не имели и проявить себя в смысле политвоспитания не могли»⁸.

⁷ РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 36, л. 29.

⁸ РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 36, л. 31–32.

Зная о том, как Мехлис действовал в последующем, можно предположить, что в этой оценке не обошлось без стремления свалить какую-то часть ответственности на предшественника. Но, как показывают документы, низкими боеспособностью и моральным состоянием грешили многие части всей 14-й армии (командующий – А.И. Егоров). Политический комиссар инспекции пехоты при РВС Южного фронта докладывал 17 сентября 1919 года: «Громкие названия бригад и дивизий скрывают за собой низкий мизерный численный состав частей, потерявших в последнее время много убитыми и ранеными, а большею частью дезертировавшими... Немало в рядах армии также разного рода авантюристов, людей без роду и племени, любителей легкой наживы и проч. В боевом отношении все они материал пригодный, но, к сожалению, нравственный облик оставляет желать много лучшего».

Если с высшего комсостава армии, сетовал инспектор, еще как-то взыскивают, то низший не несет никакой ответственности. Командиров среднего звена красноармейцы не уважают, им не повинуются, о каком-либо намеке на дисциплину и речи нет. Аналогично и в боевой обстановке: бойцы приказаний не исполняют, и каждый действует на свой страх и риск. Кто похрабрее – стреляет без конца и куда попало, другие же бросают оружие и стараются скрыться.

«По моему глубокому убеждению, – делал вывод инспектор, – части 14-й армии не представляют собою боеспособной единицы, и потому лучшей мерой был бы вывод всех частей в тыл с заменой их свежими и крепкими частями. В политическом отношении необходимо принятие мер борьбы с дезертирством политработников и с претензиями представителей “советской буржуазии” на привилегированное положение».

Представитель РВС фронта особо коснулся хозяйства Мехлиса: «Немалый процент этой категории (46-я дивизия) – типичные бандиты, громилы, среди них процветает картежная игра на весьма крупные суммы, нередки случаи краж, грабежей, разговаривают они между собой на своем “блатном” жаргоне и проч. (410-й полк). Политическая и просветительная работа среди них крайне затруднительна. По словам заведующего политотделом дивизии, отношение к коммунистам враждебное, и назначаемые в эти части комиссары иногда для спасения жизни принуждены обращаться в бегство»⁹.

Зная такое положение дел, стоит ли удивляться, что 46-я дивизия, отступавшая вместе со всей армией, сдала Полтаву. «Причиной постыдного отступления, – заявлял Мехлис в первом же написанном им по прибытии в дивизию приказе, – является наша неорганизованность, подверженность панике, распространяемой провокаторами и трусами... Мы должны подтянуться все, как командиры, так и красноармейцы. Надо безропотно взять на себя всю тяжесть самой суровой дисциплины».

Тяжесть руки нового комиссара в дивизии почувствовали тут же. Прежде всего, были укреплены политотдел, особый отдел и ревтрибунал, отстранены от должностей командиры и политработники, относительно которых появилось сомнение. Вместо них Лев Захарович назначил проверенных людей. По отношению к «изменникам, шкурникам и трусам» действовал жестко, о чем не преминула напомнить военная печать даже спустя двадцать лет. Автор опубликованной в 1939 году статье под характерным заголовком «Боевые революционные традиции военных комиссаров – великая сила» предложил читателям рассказ воистину в стиле вестерна.

В 406-м полку орудовала «шайка бандитов» во главе с комбатом С. Тот убил командира полка и занял его место. Вмешательство комбрига результата не дало. Тогда в полк приехал Мехлис. В халупе у С. он обнаружил настоящий бандитский притон – пьянка, разгул, полуобнаженные женщины... Не терпящим возражения голосом предложив всем покинуть помещение, политком остался с глазу на глаз с С. Стрельбы не было, уверяет Мехлис. Но за оружие, конечно, хватались, друг другу угрожали. Отдадим должное Льву Захаровичу: прояви он

⁹ *Ходаков И.* Моя хата с краю, ничего не знаю... // Независимое военное обозрение, 2005, 14 октября.

слабость – головы бы ему не сносить. А так С., отступив перед волевым напором комиссара, сдался и даже без конвоя был препровожден в штаб, где его и арестовали.

Сохранившийся в архиве документ – телеграмма Мехлиса в политотдел 14-й армии – позволяет судить, как положение в 406-м полку он видел не в 1939-м, а в 1919 году, и что предпринимал, чтобы срочно поправить дело. В связи с понесенными потерями положение в полку «весьма серьезное», доносил он. Десять политработников «выбиты», командир части в таком моральном состоянии, что руководить не может. Это передается красноармейской массе, в результате один из батальонов отказался занимать боевую позицию. В числе предпринятых срочных мер Мехлис перечислял пополнение маршевой ротой, присылку нескольких лиц комсостава и политработников, а также «подарки папиросами». Спасти положение, настаивал комиссар дивизии, может только направление дополнительного числа политработников специально в этот полк.

С «элементами разложения» он не церемонился – разогнал прежний штаб, отфильтровал парторганизацию. Готовности тут же, на месте, разрешить любой вопрос ему было не занимать. Но оставался ли он при этом комиссаром, умел ли действовать не столько приказом, сколько силой убеждения? Об этом вынуждены были задумываться его начальники. «Мехлис – человек храбрый, способный во время боя внести воодушевление, стремится в опасные места фронта, – так характеризовал его в августе 1919 года политотдел 14-й армии. – Но как политком не имеет политического такта и не знает своих прав и обязанностей»¹⁰.

Архив донес до нас и еще одну такую аттестацию. Она тем более многозначительна, что, скажем, поощрение Мехлисом телесных наказаний красноармейцев рассматривается в ней отнюдь не как ЧП, а всего лишь как «ненормальность». Хватило нескольких месяцев работы, чтобы в глазах заместителя начальника политотдела армии А.Н. Войтова заработать следующую репутацию: «Тов. Мехлис прежде всего боевой “солдат” и энергичный работник. Отсутствие такта и упрямство значительно уменьшают его достоинства как комиссара, ввиду чего работать с ним тяжело. Политического, “комиссарского” опыта, необходимого комиссару дивизии, у него нет, почему в работе его наблюдаются некоторые ненормальности (культ шомпольной расправы самих красноармейцев над провинившимися товарищами). Тем не менее при всех своих недостатках, можно сказать, что Мехлис по сравнению с комиссарами других дивизий, насколько я их знаю, – удовлетворителен благодаря общему уровню своего развития, энергии и знанию военного дела, а потому, со своей стороны, считаю возможным замену Мехлиса только вполне соответствующим своему назначению комиссаром»¹¹.

Упомянутый выше политический комиссар инспекции пехоты при РВС Южного фронта тоже удостоил своим вниманием Льва Захаровича: «Комиссар 46-й дивизии тов. Мехлис – молодой энергичный работник, но слишком горяч. Замечались трения между ним и начдивом, и для разрешения возникшего конфликта в дивизию выезжал член реввоенсовета 14-й армии тов. Кизельштейн. В 46-й дивизии тов. Мехлис работает недавно, поэтому судить о его работе по состоянию дивизии нельзя. Как отрицательную сторону необходимо отметить применение товарищем Мехлисом наказание красноармейцев битьем шомполами».

Безусловно, такие оценки отражали специфику времени: атмосферу Гражданской войны с ее крайней ожесточенностью и ориентацией не на нормы права, а на «революционное сознание», отсутствие добротного подготовленных кадров, низкий моральный уровень не только рядового, но и командно-комиссарского состава. Свидетельствовали они и о неоднозначном процессе становления Льва Мехлиса в должности политического комиссара, сочетавшем как успехи и достижения, так и очевидные провалы. Нельзя не отметить и проницательность заместителя начальника политотдела армии Войтова, сумевшего за первыми шагами подчиненного

¹⁰ РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 31, л. 4.

¹¹ РГВА, коллекция личных дел, д. 37, л. 17.

разглядеть зачатки того стиля, который принес будущему начальнику ГлавПУ РККА недобрую славу.

Со второй половины мая 1919 года соединения Южного фронта вели тяжелые оборонительные бои, постепенно отходя в глубь страны. В начале июля ЦК РКП(б) призвал фронт борьбы с Деникиным главным в Советской республике, поставив перед комиссарами задачу настойчиво проводить политработу в войсках, направляя ее на искоренение расхлябанности, укрепление строя и духа армии.

Соответственно этим установкам Мехлис и действовал. В работе напирал на создание новых партийных организаций, всеми силами расширял свой актив. По докладу политотдела армии, на 3 октября в 46-й стрелковой дивизии функционировало, увеличившись за три месяца в 4 раза, 19 парторганизаций, которые объединяли 109 членов партии и 203 сочувствующих. Были открыты школа политграмоты, клуб, избраны почти три десятка контрольно-хозяйственных комиссий. Такую активность оценили. Приказом по политическому отделу РВС 14-й армии Мехлису была объявлена благодарность «за преданность делу и отличную работу».

Вероятно, комиссар 46-й дивизии не игнорировал напрочь критику вышестоящего политоргана, пытался осваивать не только чисто командные, но и политические методы работы. Однако суровые условия гражданской войны, разношерстность как командно-политических кадров, так и рядового состава, приходившего на пополнение и нередко несшего с собой настроения партизанской вольницы, необходимость подчас самыми суровыми методами наводить порядок в частях делали нашего героя еще более жестоким и негибким. В затруднительных случаях он не искал компромиссных путей, предпочитая идти на открытый конфликт.

Так, в телеграмме, направленной в политотдел армии, Мехлис ставит резонный вопрос: если он наравне с начдивом отвечает за состояние дивизии, почему общая сводка в вышестоящий штаб отправляется без его подписи? Почему политотдел выведен из его подчинения? Он также протестовал против приукрашивания в сводке настроения частей, потребовал не скрывать случай, что городок Ромны подвергся налету не каких-то сторонних грабителей, а красноармейцев дивизии.

Этот документ интересен тем, что воочию дает представление о комиссарской практике Мехлиса. Во-первых, узнав, что отправленная «наверх» сводка необъективна, он не боится, что называется, вынести сор из избы. Во-вторых, ясно, что о положении в частях Лев Захарович предпочитает судить лично, а не только по докладам. И наконец, решения, чаще всего весьма крутые, не перекладывает на чужие плечи. За низкую боеготовность сводного полка первой бригады комбат и замполитком были разжалованы в красноармейцы и отправлены на передовую. Что касается грабежа, то он был остановлен военкомдивом-46 путем расстрела зачинщика.

А вот еще одно документальное свидетельство крепнущей уверенности Мехлиса в том, что действует он так, как должно. История связана с назначением в октябре 1919 года начальника агентурной разведки дивизии. Комиссар разведотдела штаба армии Ефремов настаивал на кандидатуре некоего Малышева. Мехлис, имея на того компромат, категорически возражал. Тогда Ефремов, заручившись согласием члена РВС армии С.П. Нацаренуса, предложил Мехлису до назначения начальника агентурной разведки дивизии взять обязанности последнего на себя.

Это невозможно, следует ответ. Мало того, что загруженность собственно комиссарской работой предельная («с раннего утра до 4–5 часов ночи, без всяких перерывов на обед и пр.»), так еще «вопрос поставлен именно в такую плоскость, что я должен принять кандидатуру человека, которого совершенно не знаю, – заостряет вопрос Мехлис. И прибегает к ультиматуму: – Создавшаяся обстановка... властно требует моего отчисления из дивизии, т[ак] к[ак] я станов-

люсь неработоспособным. Вопрос о моем отзывании из дивизии поднимаю не с целью получить начальственную поблажку, а вполне серьезно и прошу к нему отнестись внимательно».

В конце концов коллизия благополучно разрешилась, и Мехлис остался в дивизии. Тем не менее, в подобных ультиматумах несложно заметить ту самую партизанщину, на которую он так ополчался, стоило ей проявиться у других.

11 октября войска Южного фронта перешли в контрнаступление. Разгорелось знаменитое Орловско-Кромское сражение. Вперед медленно двинулась и 46-я стрелковая дивизия, которую возглавил Р.П. Эйдеман. Тяжелые бои шли с переменным успехом, сопровождались ощутимыми потерями. И все же к 10 января 1920 года войска Красной Армии вышли на рубеж Жмеринка, Знаменка, Екатеринослав, Александровск, Бердянск, северное побережье Азовского моря, Ростов-на-Дону. Южный фронт был переименован в Юго-Западный, 46-я стрелковая дивизия перешла в состав 13-й армии, весьма ослабленной в предыдущих боях. Центральные власти позаботились о том, чтобы накануне решающих, как тогда хотелось верить, боев фронт получил необходимое пополнение.

На армию возлагалась задача не допустить отход армейского корпуса генерала Я.А. Слащева в Крым и разгромить его в Северной Таврии. Но перехватить белых не удалось. К 24 января только одна 46-я дивизия вышла к Перекопскому и Чонгарскому перешейкам. Вначале она смогла даже взять Перекоп и Армянский базар (Армянск). Правда, за это пришлось заплатить очень большую цену: только 407-й стрелковый полк потерял убитыми, ранеными и пленными до 70 процентов личного состава.

О роли Мехлиса в этих событиях в ноябре 1937 года, в дни выдвижения его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, с неумеренным восторгом рассказала «Литературная газета» устами некоего Ф.А. Олешко. В дни боев с Врангелем комиссар батальона, входившего в состав 46-й дивизии, он поведал, как благодаря Льву Захаровичу белым оказалось неудобно за чонгарскими укреплениями и Сивашом: «Тов. Мехлис нашел речушку Чонгар, впадавшую в Сиваш. Речушка была замерзшей, через нее он переправил часть 137 бригады. Часть зашла в тыл врага, захватила штаб белых с генералами, 18 орудий, несколько десятков пулеметов, огромное количество винтовок и боеприпасов...»

Нарисована картина совершенно невероятная, учитывая, что в ходе боев под Перекопом 22–24 января 1920 года в распоряжении Слащева было всего 1800–2000 штыков, 1000 сабель и 32 орудия¹². Правда, командование 46-й дивизии смогло выставить еще меньше – 1210 штыков и 8 орудий. Поэтому продвинуться в глубь Крыма на плечах противника не удалось. Слащев, собрав все резервы, отеснил красных за перешеек. После дополнительной перегруппировки части 13-й армии в начале марта попытались предпринять новое наступление, даже прорвали оборону на Перекопском перешейке, но были вновь отброшены.

О драматизме тех давних событий Льву Захаровичу неожиданно напомнил почти четверть века спустя его сослуживец капитан И. Бахтин. В феврале 1943 года он рискнул написать члену Военного совета Волховского фронта Мехлису: «Помните ли вы, дорогой генерал, такой же тающий февраль между Юшунем и Армянским базаром в 1920 г. и наши две одинокие фигуры, ведущие огонь по слащевской коннице, пока наши отступающие части не опомнились и не залегли в цепь вместе с нами».

На действиях 46-й стрелковой дивизии и армии в целом отрицательно сказывались острая нехватка боеспособных частей и крайне неудовлетворительное снабжение боеприпасами и продовольствием. И это в то время, когда личный состав дивизии не выходил из боев. К февралю 1920 года ее численность уменьшилась до 3 тысяч человек. Мехлис буквально бомбил политотдел и реввоенсовет армии требовательными телеграммами. 21 февраля он, в очередной раз подробно докладывая о тяжелом положении дивизии, настаивал, чтобы политотдел довел

¹² Голубев А. Гражданская война 1918–1920 гг. М., 1932. С. 123.

«до сведения предреввоенсовет[а] республики для привлечения всех виновных к ответственности за полное ослабление боевой мощи частей дивизии».

Благоприятный момент для разгрома сосредоточившихся в Крыму войск генерала П.Н. Врангеля в начале 1920 года был, таким образом, упущен. Белые не замедлили этим воспользоваться. Накопив к весне силы, в середине апреля они нанесли удар по соединениям 13-й армии. 14 апреля южнее Мелитополя, в районе Кирилловки, с моря был высажен десант в составе Алексеевского пехотного полка и Корниловской артбатареи. Противник стремился перерезать железную дорогу Мелитополь – Большой Утлюк, по которой шло снабжение всей 13-й армии. Все это происходило в непосредственном тылу 46-й дивизии.

Ее новый начальник Ю.В. Саблин возглавил уничтожение десанта. Ему удачно ассистировал Мехлис. Сформированный комиссаром отряд из частей Мелитопольского гарнизона и вооруженных рабочих остановил десант, а затем отрезал ему пути отхода. Спешно переброшенный 409-й полк защитил железную дорогу. Лишь ценой больших потерь остаткам врангелевского десанта удалось вдоль побережья прорваться со стороны Арабатской стрелки к Геническу, в тыл 411-го полка. На улицах города оставшаяся часть десантников была ликвидирована.

Некоторые подробности того боя привел «Правдист» – малотиражка полиграфического комбината газеты «Правда» в номере от 21 сентября 1933 года (будем иметь в виду возможность того, что авторы публикации несколько льстили своему шефу: Лев Захарович к тому времени был уже главным редактором). Итак, еще накануне комиссар дивизии разоружил под Геническом партизанский, с «анархистским душком» отряд «Запорожская сечь», отобрал лучших бойцов себе, а «худшие охотятся за “золотозубым комиссаром”». Не растерялся Мехлис и при наступлении алексеевцев. Узнав, что 411-й полк, которому белые вышли в тыл, отступает, он скачет навстречу бегущим, «приводит полк в чувство» и ведет его в контратаку. У противника явный перевес – броневики, сильная конница, теснящая красную пехоту в открытой степи. И все же белые не устояли.

Комиссар дивизии, как докладывал начдив Саблин в Москву, «все время находился в передовых цепях, увлекая вперед в атаку красноармейцев своим личным примером». Чему-чему, а пулям Мехлис действительно не кланялся. В цепи, бывало, ходил он и через двадцать лет, кстати, тоже в Крыму, неся на шинели знаки различия армейского комиссара 1-го ранга.

Еще в разгар боя комиссар почувствовал резкий удар в левое плечо. Обездвижена, налилась болью рука. Но Мехлис из боя не вышел, пока Геническ не оказался в руках своих. В госпитале потом определили – сквозное ранение левого плеча ружейной пулей со значительным раздроблением кости.

18 апреля, на следующий день после боя, Саблин и Мехлис получили из Реввоенсовета армии телеграмму о том, что они представлены к награждению орденами Красного Знамени. Тогда, правда, представление реализовано не было. Первый орден Красного Знамени появился у Льва Захаровича только в 1928 году, в связи с 10-летием Красной Армии.

Лечили комиссара 46-й дивизии около двух недель, после чего он был направлен в распоряжение реввоенсовета Юго-Западного фронта, где около трех месяцев состоял «для особых поручений». Не суть важно, в чем состояли эти поручения. Главное, что здесь впервые так близко встретились и общались два человека, имена которых в течение тридцати последующих лет будут частенько упоминаться вместе, – Сталин и Мехлис. Не всегда рядом, поскольку И.В. Сталин – а именно он являлся членом РВС Юго-Западного фронта – по партийному и служебному положению был всегда неизмеримо выше, но вместе. Не будет преувеличением сказать, что эта встреча во многом предопределила дальнейшую политическую судьбу Льва Захаровича. Судя по тому, что будущий вождь, вернувшись с фронта в Москву, не забыл о нем и приблизил к себе вначале в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции, а затем в ЦК партии, Мехлис уже при первой встрече сумел понравиться Сталину. А почему – нет? Как и Иосиф

Виссарионович, он крайне недоверчиво относился к военспецам. Честолюбивый, волевой. Не склонен к дискуссиям по поводу и без оно, напорист, к цели идет напрямик. И вместе с тем – пунктуален, исполнитель, не задает лишних вопросов.

Сам же Мехлис, общаясь с членом Политбюро ЦК партии, наркомом, человеком, наделенным чрезвычайными полномочиями и не боявшимся эти полномочия пускать в ход, вероятно, быстро понял, что они – родственные души. Позднее это помогло сориентироваться, как занять идеальную позицию в окружении вождя – преданно и беспрекословно служить хозяину, стать его тенью, вторым «я». Сталин по достоинству оценил преданность такого рода.

Все это будет несколько позже. Пока же в результате успешных июньских боев войска Врангеля, словно горящий бензин, стали выливаться из горлышка крымских перешейков и пожаром растекаться по южноукраинским степям. К концу месяца они контролировали левый берег Днепра от устья до Каховки, а на северо-востоке дошли почти до Александровска (Запорожья). 13-я армия с боями отходила. Днепром она была разделена на две части – Правобережную группу, занимавшую оборону на рубеже от Херсона до Никополя, и Левобережную.

Наспех предпринятое в конце июня – начале июля наступление красных провалилось. Стало ясно, что снисходительность в отношении Врангеля – плохой помощник. Главное командование Красной Армии взялось укреплять крымский участок Юго-Западного фронта. В командование 13-й армией вступил И.П. Уборевич, Правобережную группу войск, включавшую четыре дивизии, возглавил бывший начдив-46 Эйдеман. К нему и был направлен Мехлис. 22 июля 1920 года Сталин подписал документ, гласивший: «Состоявшему для поручений при РВС ЮЗ тов. Мехлису. С получением сего предписывается Вам отправиться в Ударную группу Правобережной Украины на должность комиссара означенной группы»¹³.

¹³ РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 1, л. 3.

На каховском плацдарме

Этой группе в готовящемся контрнаступлении отводилась важная роль. Она должна была наносить главный удар с правого берега Днепра на Перекоп. Поэтому командование позаботилось о значительном пополнении ее силами и средствами. Накануне боев войска группы насчитывали свыше 14 тысяч штыков и 600 сабель при 44 орудиях, получив тройное преимущество над противником. Расширился, таким образом, и масштаб деятельности Мехлиса: никогда еще ему не приходилось руководить такой массой людей.

Форсирование Днепра началось в ночь на 7 августа. Как описывал один из биографов Мехлиса (свидетельских или документальных подтверждений этому нет), именно Лев Захарович возглавил передовой отряд. Уже в первой половине дня форсирование было успешно осуществлено, и в районе Каховки захвачен плацдарм. Здесь под руководством известного военного инженера Д.М. Карбышева сразу же началось строительство оборонительных сооружений. Это оказалось тем более важным, что через пять дней противник вынудил Правобережную группу начать общий отход к Каховке. Здесь, опираясь на оборонительные укрепления и постоянно совершенствуя их, красные сумели остановить врага. Каховский плацдарм стал тем камнем преткновения, о который разбились все усилия Врангеля на этом оперативном направлении.

Но это стало ясно потом, а пока бои развернулись здесь упорные. Чтобы враг не сбросил красных в Днепр, предстояло намертво зарыться в землю, построить мощные инженерные сооружения. Командующий группой Эйдеман (позднее его сменил начальник прибывшей с Восточного фронта 51-й стрелковой дивизии В.К. Блюхер) поручил Мехлису тылы. И комиссар никому не давал покоя. Он буквально засыпал начальника инженерной службы группы, начальников, председателя реввоенкомата Каховки указаниями о необходимости присылать людей и материалы для скорейшего возведения укреплений. Нередко сам вмешивался в ход работ, подгоняя ленивых и неповоротливых.

В 1933 году Эйдеман, ставший к тому времени председателем центрального совета Осоавиахима, в статье, опубликованной 23 февраля газетой «Правда» (напомним: ее в это время редактировал как раз Лев Захарович), вспоминал: «День и ночь идет напряженная работа... Член РВС группы т. Мехлис, еще не совсем оправившийся от недавнего ранения, – дни и ночи на участках. Организует и расставляет людей».

В эти дни на плацдарме побывал член РВС Юго-Западного фронта Сталин. Встреча с ним Мехлиса нашла отражение в беллетристике начала 50-х годов – панегирическом и художественно слабом романе С. Голубова «Когда крепости не сдаются». Фамилия «врага народа» Блюхера здесь, естественно, не звучит, есть лишь какой-то безымянный и морально «угнетенный» командующий Правобережной группой, ставящий под сомнение реальность тех темпов работ, которые задал Сталин. Зато Мехлис инициативен. Оттеснив безмолвствующего командующего, он сам докладывает члену РВС фронта.

...5 сентября врангелевцы перешли в наступление, предприняв попытку овладеть каховским плацдармом. Они ввели в бой Корниловскую пехотную дивизию, поддержанную танками и артиллерией. Благодаря хорошо организованной в артиллерийском отношении обороне враг не прошел. В отражении атаки участвовал и Мехлис: «Как опытный артиллерист, он стал у одного орудия сам и приказал батарее открыть беглый огонь по остальным танкам». Позднейшие биографы в писаниях 30—40-х годов утверждали, что участие комиссара группы даже решило исход боя. К сожалению, и в данном случае нет надежного документального подтверждения. С другой стороны, нельзя не заметить, как авторы подобных агиток в полном соответствии с утверждавшейся в стране в те годы культовой традицией настойчиво лепили образ «верного ученика тов. Сталина».

В сентябре на базе Правобережной группы войск и других частей была сформирована 6-я армия. Около двух недель Мехлис временно исполнял обязанности члена РВС армии, после чего последовало его возвращение на прежнюю должность военкома в 46-ю стрелковую дивизию. Понижение? Явное, но с чем оно было связано? Вероятно, не считаться с самолюбием Льва Захаровича командование заставила обстановка. Находившаяся на левобережном направлении 46-я дивизия, отражая прорыв Дроздовской дивизии белых, в середине сентября понесла настолько серьезные потери, что ее пришлось вывести в резерв на доукомплектование. Чтобы обеспечить его, потребовался прежний политкомиссар, знающий людей и обстановку.

Лев Захарович вновь оказывается в Екатеринославе. В городе, как вспоминал в 1937 году И.И. Федько, командующий войсками Киевского военного округа, а в дни описываемых событий начдив-46, царило беспокойство в связи с появлением вблизи врангелевских войск, власти готовились к эвакуации. Требовалось внести успокоение и заставить поверить в надежность обороны города. Эту миссию взял на себя комиссар. На организацию обороны подняли местных пролетариев, дивизию пополнили добровольцами. «Душой и организатором этой работы был комиссар дивизии тов. Мехлис, – вновь и вновь подчеркивает Федько. – Результаты этой работы сказались в первых же боях с отборными частями белых – Марковской и Корниловской дивизиями. Части 46 стрелковой дивизии, введенные в бой у Екатеринослава, с пением “Интернационала” атаковывали в штыки белых, которые в панике вынуждены были откатиться к Запорожью».

Зная, что эти строки рождались в обстановке тридцать седьмого года, трудно отрешиться от мысли, что крупный военачальник времен Гражданской войны руководствовался только обычным желанием предаться воспоминаниям о боях и походах рядом с Львом Захаровичем. Не ощущал ли он при этом некий политический заказ? К слову, в 1935 году другой, не менее известный военачальник, Блюхер, несмотря на весьма прозрачные намеки Мехлиса, отказался свидетельствовать о какой-то его особой роли в боях с Врангелем (о чем речь будет ниже). Но, возможно, потому отказался, что шел пока 1935 год, а не 1937-й?

Ведя оборонительные бои в сентябре – начале октября 1920 года, 13-я армия стремилась не допустить прорыва врангелевцев в Донбасс. Цель была достигнута, хотя и огромной ценой. К середине октября в положении на фронте обозначился явный перелом. М.В. Фрунзе, поставленный во главе вновь созданного Южного фронта, в приказе от 18 октября особо отметил «доблестное поведение частей 46-й дивизии», которая «расстроила план врага, смяв дружным ударом Марковскую дивизию, создав этим угрозу александровским переправам противника и отвлекая на себя часть сил, предназначенных противником для дальнейшего развития успеха в решающем Никопольско-Грушевском направлении». Вместе с личным составом дивизии благодарности командующего фронтом удостоился и ее комиссар.

«Даеть Крым!»

Командование Красной Армии понимало, какую опасность несет сохранение в «мягком подбрюшьи» Советской республики столь мощного вражеского кулака. Перед Фрунзе была поставлена задача до наступления зимы покончить с «черным бароном», отошедшим в Крым. Утром 28 октября главные силы фронта перешли в наступление. В составе 4-й армии, в ее третьем эшелоне на вспомогательном чонгарском направлении наступала 46-я дивизия.

Основная линия обороны белых проходила по Турецкому валу – сооружению, воздвигнутому еще крымскими ханами, длиной в 11 км и высотой 8 м. Флангами вал упирался в Черное море и Сиваш и был усилен мощной и сложной системой долговременных сооружений. Перед валом был вырыт ров глубиной до 10 м и шириной более 20 м, и построены две линии проволочных заграждений. Третья линия заграждений была скрыта во рву. С запада Перекоп прикрывался огнем корабельной артиллерии, а с востока – незамерзающим Сивашским заливом.

Штурм позиций врангелевцев в лоб был чреват большими потерями и ставил выполнение боевой задачи под угрозу. Замысел Фрунзе, выработанный не без подсказки местных жителей, – обойти укрепления на Чонгарском перешейке по мелководному Сивашу – был замечателен своей внешней простотой. Появлялась возможность для удара во фланг и тыл врага. Но воплотить его в жизнь оказалось очень непросто.

5 ноября Фрунзе отдал приказ: «Армиям фронта ставлю задачу: по Крымским перешейкам немедленно ворваться в Крым и энергичным наступлением на юг овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции». Наиболее трудная задача выпала Перекопской ударной группе Блюхера. Две бригады штурмовали Турецкий вал в лоб, остальные две бригады 51-й дивизии совместно с 15-й и 52-й дивизиями должны были форсировать Сивашский залив, занять Литовский полуостров и нанести удар в направлении Караджаная и далее на Армянск во фланг и тыл противнику, оборонявшему Турецкий вал.

Операция началась в ночь с 7 на 8 ноября. Пользуясь тем, что из-за сильного ветра уровень воды в Сиваше упал, красные части за три часа сумели преодолеть десятикилометровый залив и неожиданно для врага выйти к Литовскому полуострову. Более тяжелая обстановка сложилась у тех, кто штурмовал Турецкий вал в лоб. Шквальный артиллерийский и пулеметный огонь врангелевцев не позволял подойти к проволочным заграждениям. Отдельные части потеряли в атаках более половины состава, но успеха не добились.

Положение сложилось критическое. «Ночью меня вызвал к аппарату М.В. Фрунзе, – вспоминал Блюхер, – и сказал: “Сиваш заливает водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало”». Потребовалось еще два отчаянных штурма, прежде чем блюхеровцам удалось уже на рассвете 10 ноября захватить укрепления Турецкого вала.

По признанию Фрунзе, по получении донесения об успехе у него словно гора с плеч свалилась. В тот же день части, наступавшие на белых с фронта от Перекопа и наносившие удар во фланг со стороны Караджаная, соединились в районе Армянска. Серьезных укреплений у противника больше не было, лучшие силы Врангеля подверглись разгрому и бежали к побережью. 15 ноября части 51-й дивизии вступили в Севастополь и Ялту. А 16 ноября, по достижении полной победы, Южный фронт был ликвидирован.

В финальных боях за Крым 46-я стрелковая дивизия сколько-нибудь заметной роли не играла. Соответственно упоминаний о каком-либо участии Мехлиса в них не найти не только в исторических хрониках, но даже в пропагандистских материалах. С ним мы вновь встречаемся только во второй половине ноября – декабре 1920 года, когда дивизия ликвидировала банды махновцев, очищала южное побережье полуострова от белых, не сумевших бежать за

границу или оставшихся на родине, доверившись успокоительным заверениям местных органов советской власти.

Крым, увы, оказался весьма подходящим местом для реализации красными «святого чувства классовой ненависти», очень быстро превратившись в часть «Всероссийского кладбища». Крайняя жестокость Гражданской войны набросила кровавую пелену на глаза воевавших по обе стороны, напрочь застила им взор. В Крыму, как нигде, были отброшены даже самые элементарные, прошедшие через века нормы ведения войны – не воевать с пленными, гуманно относиться к мирному населению. Жестокая реальность состояла в том, что многие комиссары, воспитатели по своей основной функции, не только не сдерживали звериные инстинкты у части командного и рядового состава красных частей, но, наоборот, подстегивали их.

10 ноября 1920 года РВС Южного фронта гарантировал сдающимся в плен «полное прощение». Узнав об этом, Ленин выразил крайнее недоумение. После вмешательства центральных властей и регистрации бывших офицеров последовали массовые аресты и бессудные расправы над ними. По разным оценкам, в Крыму были расстреляны от 25 до 120 тысяч человек. Особой жестокостью прославились член РВС Южного фронта, председатель Крымского областного ревкома Бела Кун и секретарь обкома, член РВС 13-й армии Розалия Землячка (Залкинд). По их приказам было расстреляно около 7 тысяч арестованных офицеров и чиновников¹⁴.

Террор приобрел такие масштабы, что слухи о нем сразу же распространились за границы. Известный историк С.П. Мельгунов писал по горячим следам событий, что «крымская резня 1920–1921 гг. вызвала даже особую ревизию со стороны ВЦИКа. Были допрошены коменданты городов и... все они в оправдание предъявляли телеграмму Бела Куна и его секретаря Землячки... с приказанием немедленно расстрелять всех зарегистрированных офицеров и военных чиновников».

Судя по всему, Мехлис, находившийся в прямом подчинении Землячки, не видел в этом чего-то из ряда вон выходящего. Характерно: они будут позднее тесно общаться по службе в руководящих советских органах, дружить семьями. О смерти «кровавой комиссарши» в 1947 году Лев Захарович узнает в карлсбадском санатории, откуда напишет жене: «Огорчен... Ушла светлая личность, прямой и правдивый человек, большевистски непоколебимый и верный. Большая потеря!»

Не занятые боями части, опьяненные победой и воистину плебейским торжеством над побежденными, стали быстро разлагаться. Невиданными темпами плодились дезертиры, бархольщики, бандиты, войска были охвачены повальным пьянством и грабежами. Это уже грозило самим основам существования дивизии как боевой единицы. «Сверху» последовала команда – пресечь. Мехлис не миндальничал. Его поведение логично: те, кто мародерствовал и оттачивал шашки на безоружных, понимали только язык грубой силы. Вовсю заработал ревтрибунал. Комиссар дивизии дал указание устраивать в полках открытые судебные заседания. В профилактических целях проводились инсценировки суда с выступлением «свидетелей», «прокурора», с вынесением «приговора». Лев Захарович очень гордился этим изобретением, полагая, что оно позволяет «пополнить пробелы в нашей партийной, культурно-просветительской работе в частях».

В начале декабря Мехлиса избрали делегатом на партконференцию 4-й армии, в состав которой теперь входила 46-я стрелковая дивизия. Армейская конференция в свою очередь делегировала его на 2-й Всероссийский съезд парторботников Красной Армии и Флота. Одновременно он был избран делегатом VIII Всероссийского съезда Советов. Впереди забрезжили новые горизонты в политике.

¹⁴ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Казань, 1995. С. 82.

Если попытаться оценить участие нашего героя в Гражданской войне, обратившись к советской исторической литературе, сделать это весьма непросто. Буквально через считанные годы после окончания боев подлинная история войны стала грубо искажаться. Из литературы исчезают имена Василия Блюхера, Августа Корка, Филиппа Миронова, Виталия Примакова, Иеронима Уборевича, Ивана Федько, десятков других истинных организаторов победы в Крыму. На их место пропагандистской машиной подставлялись во многом дутые, но «нужные» фигурки.

Вот – Мехлис. Его биография, как видим, была вполне боевой. Но синдромом «Малой земли» страдали идеологи не только времен Л.И. Брежнева, но и их предшественники. К действительным событиям в жизни руководителей для вящей убедительности обильно добавлялся вымысел. Уже приводилось несколько «былей» из боевого пути Льва Захаровича, не подтверждаемых документально, но явно призванных возложить на него нимб героя Гражданской войны. И если по горячим следам событий лунов могли бы уличить их участники, то в 30-е годы многим правдолюбцам уже основательно запечатали уста, а то и жизни лишили.

Симптоматично, что с одобрения Сталина заслуги Мехлиса в Гражданской войне были особо отмечены в каноническом издании «История ВКП(б). Краткий курс»¹⁵. Этой чести удостоились лишь немногие политические деятели, их кандидатуры, как теперь хорошо известно историкам, отбирал сам вождь.

Следуя «Краткому курсу», авторы исторических работ и пропагандисты шли на прямые передержки, называя Мехлиса применительно к Гражданской войне в числе «виднейших деятелей партии и Советского государства», «выдающихся большевиков-ленинцев»¹⁶. Уборевича и Эйдемана, Блюхера и Корка отправляли на эшафот, а в это же время слушатели военных академий с благоговением посещали места, связанные с комиссарской молодостью Льва Мехлиса. «Оказывается», не Эйдеман, не Блюхер, не другие командиры, а именно он – «боевой комиссар группы войск каховского плацдарма» чуть ли не единолично руководил укреплением и обороной плацдарма от белых, о чем в специальном путеводителе 1940 года настоятельно рекомендовалось сообщать туристам, совершающим экскурсии по местам боев гражданской войны¹⁷. Надо ли говорить, что при этом даже не упоминались имена подлинных руководителей боев на плацдарме, к тому времени уже сгинувших в пучине репрессий. Подобная практика фальсификаций, искажая реальный вклад Мехлиса в победу Красной Армии, оборачивалась, в конце концов, против него самого.

Участие в Гражданской войне стало важным этапом в его становлении как политика. Он приобрел большой опыт массово-политической работы и вполне солидную репутацию, показал себя волевым, настойчивым в достижении цели. Служба свела его с рядом деятелей, пребывавших на крупных партийных и военных постах или вскоре выдвинутых на такие посты, он стал лично известен Сталину, что сыграло существенную роль в его дальнейшей судьбе в большой политике.

Нельзя, однако, не видеть внутренне противоречивого характера, который носила деятельность Льва Захаровича. Его политический и нравственный облик, готовность идти на любые средства во имя достижения цели сформировались в особых условиях братоубийственной войны с ее обостренным классовым антагонизмом, массовыми нарушениями общепризнанных норм ведения военных действий, настроениями партизанщины и при наличии у политических комиссаров огромных властных полномочий. Отсюда он вынес приверженность

¹⁵ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1937. С. 234.

¹⁶ Ангарский М.С. Второй поход Антанты и его разгром. М., 1940. С. 41; Коротков И.С. Разгром Врангеля. М., 1955. С. 282; Петров Ю.П. Военные комиссары в годы гражданской войны. М., 1956. С. 91.

¹⁷ Караев Г.Н. По следам гражданской войны в СССР. М.—Л., 1940. С. 178.

военным, авторитарным формам работы и управления людьми, веру в насилие как универсальное средство достижения крупных социальных целей.

В чрезвычайных условиях Гражданской войны, как и последовавшего за ней восстановительного периода, такие качества позволяли ему считаться не только вполне приемлемым, но и перспективным партийным работником, открыли путь к солидному служебному росту.

Глава 2. «Откомандировать в распоряжение ЦК»

Пока у подножия

Из Москвы в родную 46-ю дивизию Мехлис уже не возвратился. 22 декабря 1920 года в РВС Южного фронта от начальника политуправления Реввоенсовета республики И.Т. Смильги поступила короткая телеграмма о том, что военкомдив-46 оставлен в его распоряжении. 31 декабря Льва Захаровича спешно уволили из армии в запас и откомандировали в распоряжение ЦК РКП(б). 1 января 1921 года для него открылась дверь не в новый год, но в новый мир: он ступил на скользкую лестницу партийной иерархии.

Какие же влиятельные силы придали служебному росту скромного комиссара дивизии, каких немало в армии, такое ускорение? Если учесть, что всего через десять месяцев он будет трудиться в Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции, во главе которого стоял Сталин, предположение об участии последнего в судьбе Мехлиса кажется более чем вероятным. Раньше других осознавший силу партийного аппарата, будущий генеральный секретарь ЦК приступил к его формированию. Льву Захаровичу, очевидно, отводилось в нем свое место.

Взбираться по карьерной лестнице Лев Захарович будет с завидной настойчивостью, отрабатывая выданные ему авансы не за страх, а за совесть, дабы оправдать надежды человека, подсадившего его на нижнюю ступень и внимательно следившего за дальнейшим подъемом. Но не стоит сбрасывать со счетов и личное – как показала жизнь, немалое – честолюбие самого Мехлиса, его способность на лету схватывать законы, по которым формировалась и жила новая советская элита.

3 января управляющий делами СНК РСФСР Н.П. Горбунов подписал приказ о назначении его на должность начальника канцелярии Совета народных комиссаров. К слову, они были знакомы по фронту: Мехлис находился в подчинении у Горбунова, бывшего заведующим политотделом 14-й армии.

Только для непосвященного тот пост мог показаться малозначительным, а занимавший его человек – эдаким щедринским письмоводителем, ходячим скоросшивателем. В условиях обострившейся в связи с болезнью В.И. Ленина борьбы за первенство в руководстве партией и страной эта должность быстро становилась все менее канцелярской и все более политической, ибо через руки Мехлиса проходила почта председателя СНК. Это как в системе орошения: сечение канала может быть хоть большим, хоть малым, но воды в нем течет ровно столько, насколько позволяет задвижка на распределительном узле. Канцелярия СНК во многом и была таким «узлом», и от ее начальника зависели как напор поступающей «воды» – корреспонденции, так и ее фильтрация.

Достоинством ученых давно стали факты, говорящие о том, что Сталин по мере обострения болезни Ленина проявлял все больший интерес к исходящей от него самой конфиденциальной информации и, что самое главное, получал ее от личных секретарей вождя. Именно таким образом генеральный секретарь ЦК РКП(б) узнал, например, о том, что Ленин начал диктовать совершенно секретные, как он был убежден, записи – будущее «Письмо к съезду»¹⁸. И узнал он об этом от секретаря М.А. Володичевой в первый же день диктовки – 23 декабря 1922 года. Как убедительно показал известный петербургский историк В.И. Старцев, не остались в тайне от генсека и последующие диктовки, содержавшие в том числе нелицеприятную критику «чудесного грузина»¹⁹.

¹⁸ Известия ЦК КПСС, 1990, № 1. С. 157.

¹⁹ Старцев В.И. Мог ли быть Сталин смещен с поста генерального секретаря в 1923 г.? // Клио, 2007, № 1 (36). С. 128.

Что в таком случае мешает предположить, не искал ли Сталин подходы к ленинскому окружению из работников технического аппарата и до того? Включение в их число Мехлиса, о котором у генсека еще на фронте сформировалось вполне определенное представление, как о лично преданном ему человеке, было в этом смысле сильным ходом будущего кремлевского владыки.

На фоне информации, сообщаемой В.И. Старцевым, уже ни в малейшей степени не выглядит правдоподобной версия, которая излагалась в парижской эмигрантской печати и в соответствии с которой «к сокрытию истинного завещания Ленина, направленного против Сталина... причастны проворные и ловкие руки Мехлиса»²⁰. Есть все основания считать, что источником этой версии выступал Л.Д. Троцкий, который в одной из своих книг, позднее изданной на Западе, написал, что пакет с секретным «Письмом к съезду» незаконно попал к Сталину еще до XIII съезда, на котором оно в соответствии с волей умершего вождя должно было быть оглашено. Этот пакет генеральный секретарь получил раньше других членов Политбюро и вскрыл его в присутствии Мехлиса и еще одного работника своего секретариата С.И. Сырцова²¹. Не спасает Троцкого ссылка и на неких очевидцев. Если таковые и были, они просто-напросто не знали, что пакет содержал бумаги, давным-давно известные Сталину.

Хотя бы задним числом Троцкому, пребывавшему в изгнании, очень хотелось верить, что, если бы не манипуляции с политическим завещанием Ленина, Сталин был бы в соответствии с этим завещанием отстранен от власти. Увы, какими бы утешительными ни были мифы, они рассыпаются под напором неопровержимых фактов. А именно: не только на XIII съезде в 1924 году, но даже и на XII съезде в апреле 1923 года (то есть еще при жизни Ленина) перемещение Сталина с поста генсека было уже невозможно, настолько прочными оказались позиции последнего.

А такая прочность обеспечивалась, в том числе, умелой расстановкой на всех этажах власти своих людей, среди которых был и Мехлис. При этом, как работник, Лев Захарович устраивал и Ленина, поскольку мог заставить заработать подчиненный ему аппарат более четко и организованно, чего так добивался председатель Совнаркома. Из его бумаг видно, в какое отчаяние приходил он от быстро расплотившейся советской бюрократии, как пытался наладить хоть мало-мальски работоспособный госаппарат. «Волокита эта особенно в московских и центральных учреждениях самая обычная», – писал вождь в сентябре 1921 года наркому юстиции Д.И. Курскому, требуя устраивать над волокитчиками показательные суды.

То, что председатель Совнаркома требовал от наркома юстиции, он, конечно, пытался реализовать, прежде всего, в собственном аппарате. В рамках канцелярии УД СНК Мехлис подходил для этого вполне. Его методы в работе с людьми, отточенные в Гражданскую войну, оказались как нельзя кстати. Прежде всего, он добился через ЦК укомплектования канцелярии «политически проверенными» работниками. Излишне самостоятельных, как и ленивых, неаккуратных, не терпел. Выполняя требование Ленина, добился, чтобы письма, адресованные председателю СНК, докладывали ему как можно быстрее.

«Сотрудникам нижней приемной вменяется в обязанность, – гласил его приказ, – секрет-пакеты, адресованные Владимиру Ильичу Ленину, передавать непосредственно (минуя общую регистратуру) дежурной секретарше Большого Совнаркома или тов. Фотиевой (личный секретарь главы правительства. – Ю.Р.). Все прибывающие секретные пакеты на имя Владимира Ильича Ленина заносить в особую книгу № 1, указывая месяц, число и час приема»²². Нарушители держали ответ немедленно.

²⁰ Часовой, 1938, № 217–218. С. 6.

²¹ См.: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1990. С. 262.

²² РГВА, ф. 40884, оп. 1, д. 36, л. 107.

Во весь рост встала еще одна проблема. Совнарком и Совет труда и обороны плодили массу документов. Что-то устаревало, что-то противоречило ранее принятому, а что-то дублировало друг друга – во всем этом бумажном море разобраться было почти невозможно. Когда председатель СНК или кто-то из наркомов запрашивал справку по любому вопросу, на поиски уходили долгие часы, а то и дни. Мехлис железной рукой попытался навести элементарный порядок и здесь, введя четкую регистрацию входящих-исходящих, отладив работу справочного бюро. Малейшая задержка рассматривалась как чрезвычайное происшествие.

Возможно, на канцелярском поприще талант Льва Захаровича развился бы с необычайной силой. В конце концов, с такого же поста в Президиуме Верховного Совета СССР начал К.У. Черненко, а стал в итоге – страшно сказать – генеральным секретарем ЦК КПСС! Но бывшего политкомиссара ждала иная стезя: в ноябре 1921 года он вновь был откомандирован в распоряжение ЦК, а там последовало новое назначение – в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Сталин – нарком Рабкрин формировал свою команду во вверенном ему ведомстве.

Мехлис участвовал в поисках той оптимальной схемы надведомственного контроля, которая могла бы обеспечить успешную борьбу с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях, действительное наблюдение за проведением в жизнь всех декретов и постановлений центральных государственных органов, подготовку предложений об упрощении и улучшении системы государственного управления. Именно такие задачи были поставлены перед Народным комиссариатом Рабоче-крестьянской инспекции «Положением», утвержденным декретом ВЦИК от 7 февраля 1920 года.

Советские историки давали высокую оценку деятельности наркомата в первый год его существования, отмечая заметный рост его авторитета по сравнению с предшественником – Наркоматом государственного контроля и массовость рядов добровольных помощников из числа рабочих и крестьян²³. Однако к моменту перехода Мехлиса на работу в НК РКИ обстановка там усложнилась. Придание РКИ статуса «ведомства над ведомствами», чего так добивался Сталин, вызвало резкие возражения даже некоторых руководящих деятелей партии. Такого «чудища», как советская система контроля, писал Л.Б. Красин, нигде в мире нет. «Главная наша беда заключается в том, – подчеркивал он, – что мы не можем, не умеем организовать именно производство. В этом самое слабое, а вовсе не в том, что у нас нет достаточно хорошо построенного контролирующего аппарата»²⁴.

Недостатков в работе в самом деле накопилось так много, и они преодолевались руководством настолько медленно, что фракция РКП(б) при наркомате вынуждена была весной 1921 года обратиться в Центральный комитет с докладной запиской, в которой констатировались слабость и несогласованность в работе коллегии, отсутствие координации в деятельности отдельных центральных инспекций, очень слабая связь с местными органами, запущенность в обучении широких масс рабочих и крестьян контролерской работе и вообще низкий авторитет РКИ.

Критика, звучавшая изнутри наркомата, смыкалась с резкими оценками политического руководства страны. Наркомат РКИ подвергался Лениным острой критике за раздутость штатов, рыхлость и громоздкость. Рабкрин должен, подчеркивал предсовнаркома в письме Сталину от 21 сентября 1921 года, не ловить и изобличать, а вовремя поправлять, предупреждать нарушения путем жесткого контроля. В ответной записке, направленной Ленину в тот же день, Сталин, по сути дела, отверг все замечания²⁵. В октябре он пошел еще дальше, поставив

²³ Иконников С.Н. Организация и деятельность РКИ в 1920–1925 гг. М., 1960. С. 64; Краснов А.В. ЦКК – РКИ в борьбе за социализм (1923–1934 гг.). Иркутск, 1973. С. 83.

²⁴ Цит. по: Солдатенков В.Д. Политические и нравственные последствия усиления власти ВКП(б). СПб., 1994. С. 15.

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С.130, 549.

перед Оргбюро ЦК РКП(б) вопрос о перераспределении работников-коммунистов в наркоматах, причем с таким расчетом, чтобы лучших сосредоточить у себя. Потребность РКИ Иосиф Виссарионович исчислял в 1000–1200 человек, в крайнем случае – 250 человек. «Расчет мне кажется преувеличенным», – лаконично констатировал Ленин, давая понять, что специалисты не пекутся, как блины, и нужны не одному Сталину. Тем не менее перераспределение коммунистов в госаппарате произвели, и именно в его рамках Мехлис попал в Рабкрин на должность заместителя начальника общего управления.

25 ноября коллегия РКИ назначила его председателем комиссии по улучшению структуры центральных и местных органов наркомата. Одновременно по поручению заместителя наркома В.А. Аванесова он также изучал правильность использования в аппарате рабочих и крестьян, специально делегированных с мест. Эта проблема по мере перехода страны к новой экономической политике приобретала очень острый характер. Введение хозрасчета поглотило почти все кадры ранее привлеченных к работе в РКИ рабочих и крестьян: руководители, не желая содержать за счет своих предприятий контролеров, отзывали их на места. В результате число делегированных в 1922 году уменьшилось по сравнению с предыдущим годом почти в 10 раз. До 12 тысяч человек, то есть в три раза, сократилось и общее число штатных сотрудников.

На этом фоне рациональное использование наличных сил приобретало особое значение. Свои соображения Мехлис вместе с проектом доклада в Политбюро ЦК РКП(б) доложил коллегии. Они заключались в предложении при производстве инспекций и ревизий во всероссийском масштабе отказаться от сплошных обследований и перейти к выборочным. Когда снизу доверху обследуются административный аппарат или хозяйственная отрасль, резонно писал автор доклада, то отвлекаются чуть ли не целиком все силы в центре и в местных РКИ, остальные же дела и участки работы вынужденно забываются²⁶

²⁶ Известия Рабоче-крестьянской инспекции, 1922, № 11–12. С. 5–6.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.